Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.

Александръ III

и

конституція.

Alexander III
und die Konstitution.

Alexandre III
et la constitution.

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 2. **BERLIN SW.**
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1906. 1906.

Часть 124. **Мар. 1,—.**

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50	Mar
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60	„
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80	„
4.	—, Не воевай (Kämpfe nicht)	—,80	„
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80	„
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80	„
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,—	„
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,—	„
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20	„
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50	„
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50	„
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,—	„
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,—	„
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50	„
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,—	„
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,—	„
18.	**Толстой** и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod)	1,50	„
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,—	„
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,—	„
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,—	„
22.	**М. Горькій**, **Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,—	„
23.	***, Жизнь и ученіе Могаммеда (Mohamed)	5,—	„
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,—	„
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,—	„
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50	„
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,—	„
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,—	„
29.	***, Изъ револ. русск. литерат. (Revol. Literatur I)	3,—	„
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50	„
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,—	„
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,—	„
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20	„
34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,—	„
35.	Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben)	1,—	„
36.	**Л. А. Волкенштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,—	„
37.	Декабристы (Dekabristen)	1,—	„
38.	**Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigk.)	1,—	„
39.	**Пушкинъ, Лермонтовъ и др.**, Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte)	1,20	„

АЛЕКСАНДРЪ III

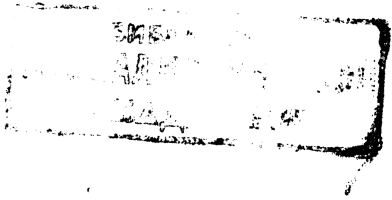
и конституція.

Александръ III

и

конституція.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Помѣщаемъ доставленныя намъ въ высшей степени интересныя страницы изъ дневника виднаго государственнаго дѣятеля, относящіяся до знаменитаго засѣданія Государственнаго Совѣта, обсуждавшаго проэктъ представительства — весьма скромнаго — предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Авторъ дневника по наброскамъ, сдѣланнымъ имъ въ засѣданіи, воспроизвелъ затѣмъ многочисленныя рѣчи, тамъ произнесенныя.

„Когда всѣ заняли мѣста, Его Величество Императоръ Александръ III, не безъ нѣкотораго смущенія, сказалъ:

„Господа! Я собралъ васъ, сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое

время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ выработаны послѣ окончанія сенаторскихъ ревизій, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному Государю, о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, при участіи моемъ, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проэктомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный Государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частностей. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки. Но прошу васъ быть

вполнѣ откровенными и говорить мнѣ ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣсняясь. Предваряю васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательнаго утвержденія проэкта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія Совѣтъ Министровъ."

Слово было предоставлено членамъ засѣданія. За проэктъ Лорисъ-Меликова высказывались Сольскій Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые др. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ имп. Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проэктъ Лорисъ-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь графа Милютина.

Графъ Милютинъ сказалъ: „Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима, и необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи

на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальныя преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, причемъ не рѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство . . . Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе

годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникли и заграницу . . .“

Здѣсь графа Милютина прервалъ Александръ III:

„Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто-бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умолялъ его въ собственноручномъ письмѣ — не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе безъ народнаго представительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скорѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ.“

Графъ Милютинъ продолжаетъ:

„Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проэкты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проэктовъ, люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.

Теперь предстоятъ важные законодательные труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла, необходимо сообразить ихъ всесторонне, т. е. не съ канцелярской только, или бюрократической, точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величе-

ство, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ Меликова".

Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ проэкта Лорисъ-Меликова.

Графъ Строгановъ сказалъ: „Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только не своевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правитсльства, но и вредная.

Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаевъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ при-

зналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, Государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь Вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для Васъ, ни для Россіи."

Александръ III. „Я тоже опасаюсь, что это первый шагъ къ конституціи."

Маковъ. „Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лорисъ-Меликова мнѣ были вовсе не извѣстны; я ознакомился съ ними въ 1-й разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ, какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль — ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумѣнія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Осуществленіе ея привело-бы Россію къ по-

гибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастью, переживаемъ мы, — возможно заниматься проэктами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благодѣтельной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить крамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если Вамъ, Государь, благоугодно будетъ утвердить, одобренныя въ Бозѣ почившимъ императоромъ, предложенія графа Лорисъ-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть. Тѣмъ не менѣе, я считаю священною обязанностью обратить всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять

совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто-бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ исходить исключительно отъ Васъ, по завѣту покойнаго Государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикаціи не должно быть и рѣчи!"

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно нервно волнуется).

„Ваше Величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать Вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили — „Finis Poloniae!", такъ теперь едва-ли не приходится сказать и намъ: „Finis Russiae!" При

соображеніи проэкта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проэктѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышетъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проэктовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ-бы, если-бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ . . . А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституціи, тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи, охватившую все государство, борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа или

усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ ввести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проэктовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды"...

Здѣсь прервалъ его Александръ III: Я думаю то же. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, засѣдающіе въ палатѣ, не могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей"...

„И эту фальшь, — продолжалъ Побѣдоносцевъ, — по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей погибели, ввести и у насъ . . . Россія

была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ, правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ „états généraux“. Мы и безъ того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подъ вліяніемъ негодныхъ, ничего не стоющихъ журналовъ, разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ

болтунамъ, что сталось съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріявшаго подъ конецъ своего царствованія мученическій вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ? . . . Къ тому что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія, — говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнью говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ

этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія, — новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваютъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда

прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія, никогда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русскаго царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими-же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ; всѣ мы виноваты въ томъ, что, несмотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи нашей не съумѣли охранить праведника! На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Всѣ мы должны каяться!...“

Александръ III. „Сущая правда, всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя.“

„Государь, — закончилъ Побѣдоносцевъ, — въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились-бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ. Нужно дѣйствовать! . . .“

Въ заключеніе графъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ: „Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполнѣ удовлетворитъ и успокоитъ общество; но если мы будемъ медлить, то упустимъ время — черезъ три мѣсяца, нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя, предположенія наши окажутся, по всей вѣроятности, уже запоздалыми.“

Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась вся внутренняя политика Александра III . . .